

Орлеане за подлог векселя к двенадцати годам каторжных работ.

Бывший имперский регент Фогт проданся Наполеону⁴³¹.

Привет.

Твой К. М.

*Впервые опубликовано в книге:
«Der Briefwechsel zwischen F. Engels
und K. Marx». Bd. II, Stuttgart, 1913*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

208

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 18 мая 1859 г.

Дорогой Энгельс!

Письмо Лассалья содержит несколько пунктов, за которые я намылю ему голову. Прежде всего, этот юнец говорит о том, что он «должен для меня сделать». Но я не требовал от него ничего, кроме того, чтобы он, который затеял всю эту историю и чьи корреспонденции я все время видел в «Presse», объяснил мне загадочное молчание Вены. Это была его обязанность. Во-вторых, он делает вид, будто он лишь после упорного противодействия, по «моему» настоянию, пишет корреспонденции в «Presse». Но в том же письме он в одном месте признается, что начал посылать корреспонденции в Вену еще *до того*, как я высказался по этому вопросу. А затем он переворачивает «связь событий». Сообщая мне о предложении Фридендера, он на двух страницах распространялся о том, должен ли он писать корреспонденции в Вену, и ставил это в зависимость от моего решения. Прежде всего, само собой разумеется, что если я считаю для себя допустимым сотрудничать в «Presse», то я не стал бы считать это плохим для Лассалья. К тому же мне было видно из его письма, так ли уж он жаждал получить мое «согласие». К чему же тогда это полное бахвальства извращение причинной связи? То, что Лассаль говорит о «тенденции», за что, как он пишет, он «основательно пробрал» Фридендера, — это бессмыслица. Венская «Presse» редактируется умело и вполне прилично для австрийской газеты при существующих условиях, — она редактируется с гораздо большим тактом, чем мог бы проявить Лассаль. Наконец, я не просил этого юнца учить меня, что «достойно» меня и что недостойно. Я нахожу, что с его стороны довольно дерзко делать мне на

этот счет какие-либо намеки. Если Фридендер сможет разрешить денежную сторону вопроса, я твердо останусь при своем решении, и этому нисколько не может помешать то обстоятельство, что корреспонденции Лассалья, по-видимому, приходится не по вкусу Фридендеру. Из последних номеров «Presse» я вижу, что число ее подписчиков возросло до 27000.

Брошюра Лассалья⁴³² — громадная ошибка. Появление твоей «анонимной» брошюры^{*} не давало ему спать. Правда, положение революционной партии в Германии в данный момент безусловно затруднительно, но оно становится ясным при некотором критическом анализе обстоятельств. Что касается «правительств», то очевидно, что со всех точек зрения, хотя бы в интересах существования Германии, к ним следует предъявить требование *не оставаться нейтральными*, а, как ты правильно говоришь, быть *патриотическими*. Революционная же острота должна быть придана всему делу просто тем, что антагонизм к *России* будет подчеркнут еще сильнее, чем антагонизм к Бустрапе, Лассаль должен был бы это сделать в противовес антифранцузским воплям «Neue Preussische Zeitung». В то же время это как раз *тот* пункт, который на практике в ходе войны приведет немецкие правительства к измене имперскому единству, и тогда их можно будет схватить за шиворот. Вообще же, если Лассаль берет на себя смелость говорить от имени партии, то на будущее он либо должен быть готов к тому, что мы его открыто дезавуируем, ибо обстоятельства слишком серьезны, чтобы церемониться, либо же, вместо того чтобы вдохновляться смесью огня и логики⁴³³, он должен предварительно столкнуться с людьми, которые могут стоять и на другой точке зрения. Мы должны теперь непременно поддерживать партийную дисциплину, иначе все пойдет прахом.

Путаница в головах достигла удивительных размеров. Имеется, прежде всего, изменившийся имперскому единству «имперский регент», получивший чистоганом денежки из Парижа. Г-н Мейен в гамбургском «Freischutz» расхваливает брошюру Фогта⁴³⁴. Для одного сорта вульгарных демократов (некоторые честные из них думают, что поражение Австрии, дополненное революцией в Венгрии, Галиции и т. д., вызвало бы революцию в Германии; эти болваны забывают, что *теперь* революция в Германии, то есть дезорганизация ее армии, пойдет на пользу не революционерам, а России и Бустрапе), разумеется, чистое удовольствие иметь возможность дуть в одну дудку с бонапартистски настроенными венграми (сплошные

* Ф. Энгельс. «По и Рейн». Ред.

Бандьи), с поляками (г-н Цешковский несколько дней тому назад назвал в прусской палате Николая «великим славянским союзником» поляков) и итальянцами. Другая шайка, вроде Блинда, желающая соединить патриотизм и демократизм, компрометирует себя (среди них находится и старый Уланд), требуя одновременно и войны *вместе* с Австрией против Бустропы, и имперского парламента. Эти ослы не видят, прежде всего, что отсутствуют всякие условия для исполнения этого гнусного желания. А во-вторых, совершенно не интересуясь действительным положением дел, они не знают, что в единственной части Германии, которой принадлежит решающая роль, в *Пруссии*, буржуа гордятся своими палатами, мощь которых должна расти с ростом затруднений правительства, что вполне обоснованно эти буржуа (как показывают последние дебаты в палате) вовсе не склонны действовать под диктовку баденцев и вюртембергцев под маркой «парламента», так же как прусское правительство не хочет господства Австрии под маркой «Союзного сейма»; что этим буржуа с 1848 г. известно, что парламент, существуя наряду с их палатами, уничтожает мощь этих последних, сам оставаясь простой фантазмагорией. Действительно, можно найти гораздо больше революционной поддержки от прусских палат, которые вотируют бюджет и за которыми в известных случаях стоит часть армии и берлинская чернь, чем от дискуссионного клуба, именуемого «имперским парламентом». То, что баденцы, вюртембергцы и прочая мелочь в сознании своей собственной важности держатся противоположного мнения, это само собой понятно. Среди наших собственных партийных друзей и других честных революционеров царит настоящий страх, что война против Бустропы приведет к возвращению эпохи 1813—1815 годов. Наконец, представители *Credit Mobilier* в Германии («*Kolnische Zeitung*», Фульд-Оппенгейм и т. д.), разумеется, поддерживают демократические опасения и спекулируют на традиционном близоруком прусско-династическом вероломстве (Базельский мир и т. д.)⁴³⁵. С другой стороны, часть демократической и революционной партии считает необходимым из патриотизма выступать в духе Яна-Ардта. Учитывая всю эту путаницу во взглядах и то, что в настоящее время, по моему мнению, на чашу весов положены судьбы Германии, я считаю необходимым, чтобы мы с тобой выпустили партийный манифест⁴³⁶. Если венское дело уладится, то тебе надо будет приехать сюда для этого на тронцу. Если же нет, то я приеду в Манчестер.

Теперь от этих общих вопросов перехожу к положению партий (немецких) в Лондоне, и тут я должен рассказать

кое-что, о чем раньше, пока это еще не кончилось, мне казалось слишком скучным сообщать тебе.

Прежде всего, ты помнишь, что как раз в то время, когда я открыто порвал с клоуном Э. Бауэром, г-н Либкнехт ввел его в так называемое Общество коммунистов^{*} и что клоун взял на себя редактирование «Neue Zeit», где этот невежественный олух выставлял в смешном виде нашу партию, утрируя несколько коммунистических фраз, взятых им у Шерцера. Мне это было очень неприятно, не из-за пары обывателей в Лондоне, а из-за злорадства демократической шайки, из-за обманчивого впечатления, которое создавали в Германии и Соединенных Штатах ловко посланные туда экземпляры грязного листка, из-за того, что клоуну стало известно жалкое состояние партии, наконец, из-за связей, которые он установил со здешним Международным комитетом⁴³⁷. Г-н Либкнехт оставался в Обществе все время, пока клоун читал в нем свои лекции и редактировал «Neue Zeit»; кроме того, он болтал всякий вздор, будто он вынужден защищать меня от ужасной ненависти, которую питают ко мне рабочие (то есть обыватели), и т. д. Когда вследствие недостатка денег «Neue Zeit» вышла в половинном размере (я послал ее тебе), Либкнехт был председателем собрания, на которое были приглашены различные общества, чтобы спасти газету⁴³⁸. Результаты, разумеется, оказались равными нулю. После этой сцены я собрал людей (небольшую компанию: Пфендер, Лохнер и т. д. и несколько новых, на которых, после моего переезда из города⁴³⁹, Либкнехт смотрел как на людей из своего частного клуба старого времени) и по этому случаю пробирал Либкнехта — и так, что это едва ли могло ему доставить удовольствие, — пока он не объявил себя раскаявшимся грешником. Он рассказал, что была сделана попытка снова издавать «Neue Zeit», но этому помешало его энергичное вмешательство. Я был поэтому поражен, когда несколько дней спустя получил как будто продолжение «Neue Zeit» под названием «Das Volk»⁴⁴⁰. Но дело забавно разъяснилось следующим образом (смотри также прилагаемое письмо):

Господин клоун под конец написал Бискамп (у тебя есть письмо Бискамп к нему), что Кинкель погубил «Neue Zeit» интригами, он делал вид, что горит мезью и т. д. Хорошо. Бискамп приезжает в Лондон и прежде всего с изумлением узнает, что одна из его собственных статей, предназначенных для «Neue Zeit», появилась в несколько смягченном виде в «Hermann». Он бежит к клоуну. Тот, по-видимому, отнюдь не обра-

^{*} См. настоящий том, стр. 309. *Ред.*

дованный его появлением, сказывается больным, разыгрывает из себя разочарованного в мирской суете и под конец заявляет ему, что все это — пакость, что пусть он (Бискамп) не впутывается в эту грязь, что Кинкель слишком могущественен и т. д. Но Бискамп, которому бросилось в глаза, что Кинкель оставил свою старую типографию и издает свой «Neumann» в типографии «Neue Zeit» и что он печатает *его* рукописи, бежит в типографию к Хиршфельду и находит там — корректуру экземпляра с пометками, сделанными рукой *Эдгара Бауэра*. Одним словом: г-н Эдгар использовал «Neue Zeit», *чтобы продаться Кинкелю*, и заодно — доказательство плодовитости этого человека — печатать рукописи Бискамп как *свои* произведения. Болван Кинкель! Чтобы уничтожить «Neue Zeit», он покупает клоуна, — который за все время своего редакторства избегал всякой полемики, — вместо того, чтобы дать клоуну деньги и позволить ему и дальше фигурировать в качестве редактора «Neue Zeit». Но Готфрид решил раз и навсегда устранить всякую конкуренцию, даже такую ничтожную. О действиях этого Готфрида еще одно слово. Здесь появилась третья немецкая газета, сначала под названием «Londoner Deutsche Zeitung», потом под названием «Germania». Эта газета, редактировавшаяся неким Эрмани, имела австрийскую тенденцию. Готфрид открывает, что редактор совершил какое-то уголовное преступление, угрожает ему через д-ра Юха, за какую-то смехотворную сумму откупает у него газету и типографию (из революционного ли фонда или на деньги прусского посольства, неизвестно) и, как говорят, будет продолжать издание газеты под другим названием под руководством Юха. Кинкелевская газета насчитывает 1700 подписчиков, становится доходным предприятием, и этот субъект хочет оградить ее от всякой конкуренции и полемики.

После измены клоуна Бискамп и т. д. основали «Volk», и тогда он и прочие болваны обратились ко мне, сначала через посредство Либкнехта. Потом ко мне пришел Бискамп.

Я заявил, что *мы* не можем прямо сотрудничать ни в одной *маленькой* газете и *ни в одной* партийной газете вообще, *которую сами не редактируем*. Для последнего же в настоящий момент отсутствуют все условия. Что касается *г-на Либкнехта*, то пусть он работает на пользу Бискамп. Я во всяком случае, одобряю, что поле деятельности не уступлено Готфриду и его грязные расчеты проваливаются. Все, что я могу обещать, сказал я им, сводится к следующему: давать им время от времени «напечатанные» статьи из «Tribune», которыми они будут иметь право пользоваться; предложить своим знакомым

подписаться на газетку; и, наконец, *устно* сообщать о попадающихся мне под руку заметках, а также давать им «советы» по тем или иным вопросам. С другой стороны, я сказал, что Бискампу следует сейчас же (это будет сделано в ближайшем номере) документально изложить бауэр-кинкелевское свинство⁴⁴¹. (Я убиваю, таким образом, сразу двух зайцев, даже если газетка закроется.) Клоуна, заявил я, нужно сбить с пьедестала объективности, и действовать следует во всех отношениях наступательно и полемически, и притом по возможности в самом веселом тоне.

Поэтому я прошу тебя, чтобы ты, Лупус, Гумперт и все, кого вы еще сможете привлечь (но только объясните, что это, хотя и антикинкелевское, но не наше предприятие), подписались на «Volk». Адрес конторы: 3, Litchfieldstreet, Soho (подписная плата на 3 месяца с доставкой 3 шиллинга 6 пенсов). Гумперт и Бискамп оба из Кургессена, и если у первого вдруг появится какая-нибудь остроумная мысль, он может послать ее своему земляку. Наконец, укажи мне какого-нибудь книготорговца в Манчестере, которому можно было бы посылать «Volk» для распространения (Напиши также брадфордцу*.)

Я смотрю на «Volk» как на эмигрантский листок, вроде наших «брюссельской» или «парижской» газет⁴⁴². Но все-таки с его помощью мы можем до смерти бесить Готфрида и т. п., открыто в это не вмешиваясь. Может *также наступить момент*, и очень скоро, *когда будет существенно важно, чтобы не только наши враги, но и мы сами* имели возможность высказывать свои взгляды в какой-нибудь лондонской газете. Бискамп работает даром и тем более заслуживает поддержки.

Самое занятное то, что клоун в № 18 «Hermann» написал в высшей степени глупую дрянную статейку, в которой он «доказывает», что «нейтралитет Англии» сводит теперешнюю войну к «войне на задворках». «Решающие» события уже более невозможны на несчастном континенте, и *поэтому* почтенная Англия остается «нейтральной». В № 19 Блинд, исходя из преисполненной негодования демократически-патриотической точки зрения, а Бухер — из уркартистской, отчитали клоуна, так что скоро он, получив пинки от всех партий, вылетит, наверно, даже из «Hermann»⁴⁴³.

Очень хороший урок получили господа обыватели. Старовейтлинговский осел Шерцер думал, что *он* может назначать представителей партии. При *моем* свидании с одной делегацией этих обывателей (я отказался посещать какое бы то ни было

* — Штрону Ред.

общество, однако Либкнехт председатель в одном из них, а Лапландец* в другом)⁴⁴⁴ я заявил им напрямик: наш мандат представителей пролетарской партии мы *получили от нас самих*, а не от кого-нибудь еще. И он подтвержден за нами той исключительной и всеобщей ненавистью, которую питают к нам все фракции и партии старого мира. Можешь себе представить, как были огорошены эти болваны.

Если у тебя нет больше «По и Рейна», ты должен заказать несколько экземпляров. Нужны экземпляры также для Штеффена, Вейдемейера и нескольких здешних журналов.

Может быть, можно снова послать портвейн бедняге Эккариусу, который опять мучается в портняжьем аду?

Привет.

Твой К. М.

Получил письмо от Вейдемейера и Компа. Пошлю его тебе на днях. Через них уже заказано у Дункера для Соединенных Штатов до 100 экземпляров моей «Политической экономии»⁴⁴⁵.

Скажи Лупусу: с самого начала Бета (Бетцих), редактор «How do you do?», является в то же время подлинной правой рукой Готфрида у него в редакции.

*Первое опубликовано в книге
«Der Briefwechsel zwischen F. Engels
und K. Marx». Bd. II, Stuttgart, 1913*

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

209

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 23 мая 1859 г.

Дорогой Мавр!

Относительно манифеста** вполне согласен. Как нам быть с печатанием его? Очевидно, надо будет печатать его в Лондоне; узнай насчет расходов и других деталей, чтобы мы могли выпустить его сразу после того, как напишем

История с «Volkchen»*** очень занята, доставляет большое удовлетворение и может оказаться очень полезной. Относительно

* — Андерс. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 351. *Ред.*

*** — уменьшительное от названия газеты «Volk». *Ред.*